

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

87

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ШКОЛА

159

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОКНО

Мыслям, которые приходят в голову, когда сидишь взаперти, доверять нельзя. Так говорила Люся. Но других у меня никогда не было. И если мне приходилось выходить из дома, то в голове сразу делалось пусто.

Мы с Люсей поженились, когда нам обоим было двадцать пять. Накануне свадьбы она сказала, что сделает из меня человека. У Люси был большой бюст, красивая талия, и я полностью ей доверился. Через два года мы развелись. Люся объявила, что я совершенно безнадежен. Видимо, я сделал ошибку, когда однажды честно признался ей, что в детстве мечтал работать в булочной продавцом. После развода мы какое-то время встречались и один раз даже вместе ездили в Крым отдохнуть. Потом Люся вышла замуж за американца и уехала в США. А я остался здесь. Остался в своей однокомнатной квартире на площади Мужества. Мои друзья ласково называют ее “живопырней”.

— Окна на восток! Великолепный вид! С утра солнце! Свежий воздух! Зеленый район! — выталкивала слова каторская служащая, круглая тетка с фиолетовыми волосами и массивной брошью на внушительной груди. Мама сидела на стуле, приставленном боком к желтому тощему столу, и держала меня, трехлетнего, за руку. Я не понимал, почему фиолетовая тетка хочет, чтоб мы жили в зеленом районе. Мне мечталось жить в красном. Наверное, уже тогда во мне начали просыпаться левые идеалы. В зеленом, это я уж знал наверняка, будет неинтересно. И еще хотелось в туалет по-маленькому. В детстве это желание охватывает тебя почему-то внезапно, как петербургского поэта-верлибриста — вдохновение.

Я выкрутил руку из маминой ладони.

— Мам, я писать хочу!

— У вас тут есть туалет? — перебила мама фиолетовую тетку. — Извините нас.

Та улыбнулась.

— Да всегда пожалуйста! Я ж понимаю... У меня ж дома такой же. Раньше вот тоже — все писать просился, я уставала, а теперь вырос — я думала, ну все, слава богу, так он того хуже — велосипед просит. А зарплаты у нас... сами знаете... какой там велосипед... Так что радуйтесь пока, Вера Викторовна.

Мама поднялась.

— Пойдете по коридору, налево до конца. — Фиолетовая вытянула вперед ладонь и как-то странно ее изогнула.

— Мы быстро, — кивнула мама. — Пошли, Андрюша!

— Не торопитесь. Служенье муз, сами знаете, не терпит... Правда? — И тетка мне заговорщицки подмигнула. Я уткнулся в мамин рукав.

В тускло освещенном туалете стоял большой высокий унитаз. Вверх по стене от него ползла рыжая труба и пряталась в зеленую коробку. Из коробки сбоку свисала цепочка.

— Хватит головой вертеть! Давай по-быстрому, — говорила мама, расстегивая мне штанишки. И зачем-то вдруг сказала, словно обращаясь не ко мне, а куда-то в стену: — “Служенье муз”, велосипед... Что она мелет?

— Что, мама?

— Ничего! Давай быстрее делай свои дела, а то нас ждут.

Великолепный вид...

Этим великолепным видом, который удовлетворит самое горячее любопытство минуты за две, мне пришлось наслаждаться все детство и юность.

Напротив, через дорогу высилось грубое серое здание, громоздкая будка, живое свидетельство вырождения большого имперского стиля — с треугольной крышей, из которой, как из щербатой десны, торчали короткие игрушечные трубы: общежитие для студентов из развивающихся стран, преимущественно африканских. Местные жители прозвали его “обезьянником”. Справа от “обезьянника” архитектурная мысль, лениво, но планомерно продолжавшая за-громождать оцепеневшие пустоши типовыми пятиэтажками, вдруг безо всякой на то причины в середине семидесятых взяла и поставила здание метро. Оно напоминало мне мавзолей на Красной площади. Только тот красный, а оно было серым, как поначалу все здесь вокруг.

Сверху, с девятого этажа, метро выглядело не поленински приземистым. Хотя почему не по-ленин-

ски? Очень даже по-ленински, учитывая отнюдь не исполинский рост вождя. Но сущностно — все-таки не по-ленински. Потом станцию метро скрыла городская застройка нового тысячелетия. Видимо, власти наконец решили, что подобные сооружения жителям созерцать вовсе не обязательно. Налево из нашего окна виднелось придавленное к земле здание бассейна, наполовину закрывавшее зеленый овал стадиона. А за ним высилась окруженная нечесанным парком политехнического института старая, почти готическая водонапорная башня, возле которой словно на карауле замерли две исполинские фабричные трубы.

Если верить городским справочникам, в шестидесятые годы прошлого века вокруг круглой площади — она относительно моего окна располагалась чуть правее — стояли старинные двухэтажные особняки, уютные, почти игрушечные, с зубчатыми башенками. Потом городские власти их снесли, оставив в назидание потомству лишь один. На их месте выросли красивые кирпичные громады, к подножию которых тотчас же прилепились пивные ларьки, аккуратные, легкие, как спичечные коробки, только с крышами и козырьками. Чуть поодаль разместили гигантский правильный куб, кинотеатр “Выборгский”, с фойе, рестораном, огромным залом, уютными креслами и широкой сценой, в правом углу которой стояло старенькое пианино, напоминая о золотых днях немого кинематографа.

И вот площадь Мужества, представлявшая собой некогда всего лишь лужайку с трамвайными рельсами — я в детстве думал, что трамвай едет прямо по траве, — площадь Мужества, способная похвастаться разве только ветхими старорежимными постройками, обреченными судьбой и временем на прогорклое

забвенье, и общественной баней-шайбой, за которой виднелись унылые корпуса завода, та самая полуспальная площадь наконец-то обрела достойный цивилизованный вид, сознательную мощь многоярусного театра, имперское величие и масштаб.

Трамваи, троллейбусы, автобусы, легковые автомобили и грузовики дружно загремели тристановскими аккордами, опрокинув все доводы, которые старый артиллерист, жалкий умалишенный, приводил против байрейтского гения и его “Кольца”, отдававшего ароматом кислой капусты и баварского пива.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Может, кто забыл, но пивные ларьки в советские времена работали с перебоями, как и всё остальное, как заводы, магазины, ателье и НИИ. Общество развитого социализма было обществом спектакля, маразматического большей частью, но отнюдь не обществом изобилия. И пива на всех не хватало. Вернее, конечно, хватало, но не всегда и не везде.

А кольцо ларьков, охватившее площадь Мужества, работало бесперебойно. Если золотой напиток заканчивался в одном ларьке, то шли к другому. Между прочим, там и пиво могло оказаться получше, посвежее. Если и другой оказывался закрыт или просили очередь не занимать, то шли к третьему, к тёте Даше, или к четвертому — к тёте Глаше, и так далее. В конце концов, можно было, конечно, сесть на трамвай и через две остановки выйти у пивного бара “Гренада”. Но это казалось неинтересным. Все знали, что там собираются дешевые пижоны, очкастые романтики или, еще чего доброго, антисоветчики. И настоящие любители

оставались верны своей площади, как некогда декабристы были верны своей, Сенатской.

Что толку сидеть в баре и толстожопить? В этом нет никакой романтики, никакого движения, никакого порыва. Даже если твой бар называется “Гренада”. Другое дело ларьки. Их можно обойти по очереди. В одном спросить маленькую, в другом — большую, в третьем — с подогревом, у четвертого — покурить, возле пятого — с кем-нибудь познакомиться, схватить нового знакомого за грудки, а в ответ получить в дыню. Словом, попутешествовать по кольцу местной империи. Такие путешествия забулдыги, ну, те самые, которые общежитие окрестили “обезьянником”, называли “экскурсиями по золотому кольцу”.

Всякий раз, когда я подношу к губам холодную бутылку пива или огромный запотевший бокал с золотистым напитком, резкий запах бродильни ударяет мне в ноздри. И я с горечью понимаю, что весь этот веселый пивной мир исчез навсегда. Золотые кольца, потерявшие над людьми власть, унесены яростной лавой девяностых. А пивных нибелунгов, орков и гоблинов власти загнали с глаз долой в душные камеры баров и клубов. Там они и по сей день сидят, курят, уныло пьют пиво под недремлющим оком широкоплечего охранника. Ни тебе путешествий, ни приключений, ни доблестей, ни подвигов, ни “разговоров по душам”. Все разговоры заглушает грохочущая музыка.

В НОЧНОМ КЛУБЕ

На стене подворотни, которая ведет в клуб “Борт”, кем-то старательно выведена длинная надпись: “Этот клуб — ебанический отстой!” А под ней еще какие-то

слова. Их почти не разобрать. Но мы с Люсей внимательно вглядываемся и читаем: “Не ходите туда!” Читаем и все равно идем. В конце концов, нам же надо где-то провести вечер. У входа в клуб я замечаю своего старого знакомого, гомосексуалиста Сливу. Увидев нас с Люсей, он смущенно здоровается и быстро уходит.

— Чего это он? — удивляется Люся.

— Он мне денег должен.

Внутри, у лестницы, нас останавливает охранник. Туловище в двубортном костюме. На правой руке у него перстень размером с кулак.

— Сумочку вашу, пожалуйста, — говорит он без участка, обращаясь к Люсе и при этом глядя куда-то в сторону. В сумочке охранник-туловище роется очень долго. Я стою рядом и с завистью слежу за тем, как он что-то достает оттуда, перебирает, разглядывает. Мне тоже хочется покопаться в Люсиной сумке. А вдруг я найду там записку от ее любовника с предложением бросить меня и бежать с ним в ночь? Или яд, которым ее снабдил тот же любовник с целью меня тайно умертвить? Я бросаю неприязненный взгляд на Люсю, а затем начинаю внимательно следить за движением рук охранника. Он непрерывно извлекает из сумки что-то новое и тут же кладет обратно. Так, думаю, помада, значит. Что-то не помню у нее такой помады. Лак для ногтей, зеркальце, записная книжка (надо будет на досуге, когда Люся выйдет в магазин, полистать эту книжку). Далее — паспорт, сотовый телефон, пачка бумажных носовых платков, конфета и авторучка. Наконец туловище разочарованно возвращается к Люсей сумочку и отодвигается в сторону. Мы поднимаемся по крутой лестнице.

— Вам на второй этаж, — тихо произносит туловище в наши спины и тут же кому-то кричит: — Слыши! Щас вышибу тебя отсюда под сраку!

— Это не нам, — поясняет Люся.

Вечер явно обещает быть интересным.

Наверху мы проходим комнату с мигающими игровыми автоматами и оказываемся в зале, где стоят маленькие столики. Залов несколько. Почти все столики заняты посетителями. Вентиляторы в клубе не предусмотрены. В воздухе висит тяжелый запах дешевого пива и табака. Грохочет музыка. Это играет какая-то группа. Солистка надрывно голосит в микрофон, но ее заглушают ударные установки. Слов, слава богу, не разобрать: в клубе отвратительная акустика. Ищем спокойный уголок, откуда эту неандертальскую музыку не будет слышно и где можно пообщаться. Но такого места во всем этом клубе нет. Люся мне что-то громко кричит на ухо. Из-за грохочущей музыки я не могу разобрать ни слова. К нам радостно приближается мой друг Гриша Лугин. На голове у него пилотка, сделанная из газеты. В руке — пластиковый пол-литровый стакан с остатками пива. Я пытаюсь его познакомить с Люсей, но не слышу собственного голоса. Музыка, раздающаяся из динамиков, почти рвет барабанные перепонки. Закладывает уши и слегка подташнивает. Ощущение такое, словно сидишь в боинге, когда он набирает высоту. Мы с Лугиным и Люсей переходим на язык жестов и начинаем общаться при помощи пальцев: неандертальцам на сцене все-таки удалось превратить нас самих в неандертальцев. Музыканты внезапно перестают играть. Так же внезапно, как и начали.

— Здесь есть место потише? — спрашиваю я Лугина. Он открывает рот, чтобы мне ответить, но не успевает. Музыканты снова начинают ошалело драть гитарные струны и бить в свои барабаны. Слова Лугина тонут в их грохоте.

— Гриша говорит, — кричит мне в ухо изо всех сил Люся, — что на третьем этаже есть бар, где вроде бы тихо!!!

Выходим на огромную площадку перед сценой, где танцует полтора человека, и по лестнице поднимаемся на следующий этаж. Там дверь. За ней обнаруживается небольшое помещение. Стены обиты каким-то красным материалом, который вздыбливается огромными горбами. Видимо, это очень современно. Зато тут тихо. Усаживаемся за столик. К нам присоединяются Гришины друзья, симпатичные молодые люди из Эстонии. Открываем меню. Цены в два раза выше, чем внизу. Похоже, администрация клуба приняла решение, что в тишине могут сидеть только те посетители, у кого есть деньги. Те, у кого их нет, в обязательном порядке должны слушать неандертальскую музыку.

Появляется официантка.

— С чужим пивом к нам нельзя, — с ходу заявляет она Лугину, который поставил на стол стаканчик с остатками пива.

— Это не чужое пиво, — говорит Лугин. — Это мое. Я его купил на свои деньги.

Официантка игнорирует его шутку и умоляюще затягивает:

— Ребя-я-ята, меня оштрафуют.

— Ладно... — милостиво соглашается Лугин и залпом допивает пиво.

Мы все наперебой заказываем кто пиво, кто водку. Потом сидим, разговариваем, и вскоре мне нужно отлучиться. Когда я подхожу к клубному туалету, то обнаруживаю, что надписей, удостоверяющих, что это дамская комната, а это мужская, на дверях нет. Я растерянно застываю, не зная, куда податься. Тут меня кто-то трогает за рукав.